

ПРОФЕССОР Д.Д. ГРИММ В ЭМИГРАЦИИ¹

М.В. Ковалев

Саратовский государственный
технический университет имени Ю.А. Гагарина,
кафедра туризма
e-mail: kovalevmv@yandex.ru

Статья посвящена эмигрантскому периоду в биографии профессора Д.Д. Гримма, известного ученого и общественного деятеля. В статье реконструируется его научная карьера в Чехословакии и Эстонии. Особое внимание уделено его работе на Русском юридическом факультете в Праге и в Тартуском университете. В статье также анализируются общественные взгляды Д.Д. Гримма, раскрываются обстоятельства написания им мемуаров.

Ключевые слова: Д.Д. Гримм, русская эмиграция, биографика, мемуаристика.

PROFESSOR D.D. GRIMM IN EXILE

M.V. Kovalev

(Saratov, Russia)

The article is devoted to the life of Professor D.D. Grimm, the famous scientist and public figure, during the émigré period. In this essay his scientific career was reconstructed. The special attention is given to his work in the Russian Faculty of Law in Prague and the University of Tartu. Also the social views of D.D. Grimm were analyzed and the circumstances of writing his memoirs were disclosed.

Key words: D.D. Grimm, Russian emigration, biography, memoirs.

Давид Давидович Гримм (1864-1941) принадлежал к числу выдающихся российских ученых-правоведов, оставивших, помимо того, заметный след в общественной жизни. Его научная и преподавательская работа до революции была связана с Дерптом / Юрьевым и Санкт-Петербургом. Он пользовался значительным авторитетом среди коллег, благодаря чему в разные годы занимал в Санкт-Петербургском университете посты декана юридического факуль-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920-1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».

тета (1901-1904, 1906-1910) и ректора (1910-1911). С 1907 по 1917 годы Д.Д. Grimm состоял членом Государственного совета. После Февральской революции он ненадолго занял пост товарища министра народного просвещения, но вскоре вернулся в университет на прежнюю должность ординарного профессора римского права. И если дореволюционный этап биографии Д.Д. Grimma изучен относительно неплохо², то этого нельзя сказать о годах эмиграции, в которой профессор оказался после революционных событий 1917 года. Восполнить этот пробел стало возможным при обращении к материалам зарубежных архивов.

Захват власти большевиками Д.Д. Grimm категорически осудил, но все же решил остаться в столице и продолжить работу в Петроградском университете. Так, 5 марта (20 февраля) 1918 г. на заседании юридического факультета он был избран в состав юридической испытательной комиссии. Народный комиссариат просвещения определил ему пенсию в размере 3.600 рублей в год³. Новые власти с явным недоверием относились к Д.Д. Grimmu. В начале сентября 1919 г. он был арестован и около шести недель провел в заключении⁴. Оставаться дальше в Петрограде было небезопасно, и Д.Д. Grimm принял решение бежать из Советской России вместе с семьей. В феврале 1920 г. он при помощи друзей пересек границу с Финляндией. В его личном деле появилась краткая запись: «Выбыл из состава профессоров Единого Петроградского Университета 28 февраля 1920 г.»⁵ Так начался период многолетней эмиграции и окончательного расставания с Родиной.

Поселившись в Хельсинки, он стал активным участником антибольшевистского движения, контактировал с петроградским подпольем, например с Таганцевской организацией⁶. Профессор

² Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 2. С. 222-252; Ковалев М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Grimm // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19-33; Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Grimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174-183, и др.

³ Eesti Ajalooarhiiv (далее – ЕАА). F. 2100. N. 2. A. 150. L. 49 p.

⁴ Hoover Institution Archives, Stanford University. Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection, 1915-1944 (далее – НИА, Vrangeli' Collection). Box 16. Fold. 30.

⁵ ЕАА. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 49 p.

⁶ См.: Черняев В.Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17-38; Мусаев В.И. Политические организации российской

принимал участие в работе Национального центра, руководил газетой «Новая русская жизнь». С конца 1920 г. Д.Д. Grimm состоял представителем Главнокомандующего Русской армией генерала барона П.Н. Врангеля и парижского Совещания послов. «Однако наладить сколько-нибудь нормальные отношения с финляндским правительством, утратившим после падения Крымского фронта всякий интерес к поддержке таковых, не удалось», - сетовал он несколько лет спустя⁷. В 1922 г. газета из-за нехватки средств прекратила свое существование. Поражение Кронштадтского восстания и разгром антибольшевистского подполья в Петрограде не внушали надежд на продолжение антибольшевистской борьбы. Д.Д. Grimm понял, что его дальнейшее пребывание в Финляндии теряет всякий смысл, и он решил вернуться к преподавательской деятельности. Он уехал в Париж, правда, пребывание там оказалось недолгим.

Д.Д. Grimm получил приглашение на работу в Прагу, где как раз разворачивалась «Русская акция», беспрецедентная программа помощи эмигрантам из России⁸. Русские ученые и студенты получили реальную поддержку, что обеспечило превращение Праги в интеллектуальную столицу Зарубежной России. Чехословацкое правительство установило Д.Д. Grimm ежемесячное жалование в размере 2.100 чешских крон и дополнительных 300 крон на жену⁹. Этих денег было вполне достаточно для нормальной жизни. Правда, семье профессора поначалу пришлось столкнуться с трудностями, вызванными остротой квартирного вопроса. Некоторое время она была вынуждена жить в общежитии «Свободарна» на Либени, специально переделанном городскими властями для размещения русских преподавателей и студентов. Ученые и члены их семей жили в специально отведенном коридоре с маленькими квартирками¹⁰. Осенью 1926 г.

эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 84–86.

⁷ НИА, Vrangeli' Collection. Box 16. Fold. 30.

⁸ См.: Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 37–59.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 127. Л. 17.

¹⁰ Конрживова А. Российские эмигранты во Вшенорах - Мокропсах - Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // Дни Марины Цветаевой - Вшеноры 2000. Прага, 2002. С. 6; Из бесед с русскими эмигрантами. Екатерина Алек-

Д.Д. Grimm вместе с супругой переехал в освободившуюся после отъезда П.Б. Струве из Праги квартиру в специально построенном «Профессорском доме». Помог ему в этом чешский политик Карел Крамарж¹¹.

Д.Д. Grimm принимал активное участие в жизни русской диаспоры. Он стал заместителем председателя Русской учебной коллегии, созданной до его приезда в декабре 1921 г., и призванной оказывать академическую помощь учащейся молодежи. Коллегия выполняла также функции научно-исследовательской организации, которая в 1924 г. начала издавать свои «Записки» по трем сериям (гуманитарные естественные, математические и технические науки). Д.Д. Grimm опубликовал в них одну из своих первых работ эмигрантского периода¹². Он также вошел в состав Русской академической группы в Чехословакии, образовавшейся осенью 1921 года.

Группа ставила задачей укрепление связей русских исследователей с учеными из других стран, научную подготовку молодых людей, «посвящающих себя по окончании высшего образования занятиям наукой, и нуждающихся для прохождения учебно-ученого искуса вне своей университетской обстановки в таком руководстве, которое бы соответствовало русским требованиям и традициям»¹³. Первым председателем Академической группы был избран профессор П.И. Новгородцев, пост почетного председателя занял профессор А.С. Ломшаков. Товарищем председателя стал Д.Д. Grimm, секретарем - В.И. Исаев, казначеем - А.П. Фан-дер-Флит, членами правления - С.В. Завадский, Г.В. Вернадский и И.Д. Жуков.

Одним из главных направлений работы Группы была научная аттестация, выражавшаяся в присвоении ученых степеней и званий. Известно, что 3 июня 1923 г. именно Д.Д. Grimm руководил процессом защиты диссертации Г.В. Флоровского «Историческая философия А.И. Герцена» на соискание ученой степени ма-

сандровна Максимович, урожд. Кизеветтер // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1. Прага, 2011. С. 395–396.

¹¹ Archiv Národního muzea (далее – ANM). F. Karel Kramář. Kart. 19. Inv. č. 961. 2-5-710-711.

¹² Grimm Д.Д. Основные предположения и задачи социальных наук // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. 1924. Т. I. Вып. III: Общественные науки. С. 29-73.

¹³ Národní archiv ČR (далее – NA ČR). F. Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 80. Kart. 6.

гистра философии¹⁴. В качестве представителя Группы Д.Д. Гримм в октябре 1922 г. принял участие во Втором съезде русских академических организаций за границей. По его итогам он был избран в состав правления Союза русских академических организаций за границей¹⁵. На этом съезде было решено создать в чехословацкой столице Русский институт. Он начал свою работу через год, а Д.Д. Гримм стал в нем приглашенным лектором. Так, в феврале 1924 г. он прочел публичную лекцию «Русские конституционные учреждения», а в марте - «Государственная Дума и Государственный Совет»¹⁶.

Едва ли самой яркой страницей пражского периода жизни Д.Д. Гримма стала его работа на Русском юридическом факультете. В октябре 1921 г. в Праге возникло гуманитарное отделение Высших русских дополнительных курсов, призванное организовывать специальные занятия для русских студентов Карлова университета. В начале 1922 г. гуманитарное отделение было разбито на секции - историко-филологическую и юридико-экономическую. В последней секции начал преподавать Д.Д. Гримм¹⁷. Тогда и возникла мысль о преобразовании юридико-экономической секции в самостоятельное высшее учебное заведение. Так 14 февраля 1922 г. было принято решение о создании Русского юридического факультета, торжественное открытие которого состоялось 18 мая 1922 года. Его создатели верили, что выпускники в будущем вернутся в Россию, где смогут использовать полученные ими знания. Однако ориентация на дореволюционную университетскую культуру, соединенная с уверенностью в скором возвращении домой, породила немало трудностей. Юридическое образование, базировавшееся на национальных традициях, не котирировалось за рубежом.

¹⁴ NA ČR. F. Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125/1. kart. 16

¹⁵ Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921-1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 87.

¹⁶ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. IV. Přednášky v ruských emigrantských institucích v Praze; Лекции Русского института // Огни. 1924. 11 февраля. № 6; Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2000. T. I. S. 140, 142.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 4. Л. 25 об.

Первым деканом факультета стал профессор П.И. Новгородцев. Сам он получил кафедру римского права и помимо того в декабре 1923 г. возглавил созданное «Общество правоведения и общественных знаний». П.И. Новгородцев был тяжело болен и 23 апреля 1924 г. скончался. Д.Д. Гримму суждено было стать его преемником. Он был избран деканом факультета 27 мая 1924 г и впоследствии, в 1925 и 1926 гг., переизбирался на этот пост. Он считался живым воплощением университетских традиций. Именно он, наряду с А.А. Кизеветтером, М.М. Новиковым и Е.В. Спекторским (двое последних также некогда были ректорами - Московского и Киевского университетов соответственно), были среди инициаторов празднования «Татьянина дня» в 1925 году¹⁸.

Д.Д. Гримму предстояло руководить Юридическим факультетом в весьма непростой период. Число желающих учиться русскому праву по дореволюционным образцам стремительно падало. Известны обращения Д.Д. Гримма к К. Крамаржу о помощи в трудоустройстве выпускников и оказании им визовой поддержки для выезда из Чехословакии¹⁹. Другой проблемой стало сокращение финансирования со стороны чехословацкого правительства. Все это породило постепенное свертывание деятельности факультета. Последний выпуск студентов был запланирован на весну 1929 года²⁰. На годичном акте 18 мая 1927 г. декан Д.Д. Гримм с горечью говорил: «Культурная работа на наших глазах обрывается, и вновь судьба нам напоминает, что – пока не будет великой России – мы осуждены на жизнь и скитания в роли вечных Агасферов, которые никому не нужны, и которых никто понять не желает, да и не может по-настоящему понять»²¹.

Не видя перспектив и дальше оставаться в Праге, Д.Д. Гримм стал искать новое место работы. Здесь следует сказать, что еще в 1920 г. ему, благодаря хлопотам профессора-юриста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855-1943), пришло приглашение из Тартуского университета. Находясь в Хельсинки, Д.Д. Гримм получил известие, что Совет университет 14 апреля 1920 г. избрал его ор-

¹⁸ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. I. S. 180.

¹⁹ ANM. F. Karel Kramář. Kart. 19. Inv. č. 961. 2-5-703; 2-5-704.

²⁰ Andreyev C., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938. New Haven – L., 2004. P. 91.

²¹ Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926-1927 учебный год. С. 3-4.

динарным профессором римского права, а 1 июня 1920 г. министр народного просвещения Эстонской республики утвердил его в этой должности²². Новость стала для ученого абсолютно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал активное участие в общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться: «...Я никогда не изъявлял согласия на избрание меня профессором Дерптского университета (подчеркнуто в оригинале. - М. К.), и что я лишен возможности принять названную должность, о чем я уведомил профессора И.М. Тютрюмова, которому я подробно об этом написал. Принося университету благодарность за оказанную мне честь, могу лишь выразить сожаление по поводу прошедшего недоразумения, к которому я не подавал повода»²³. Теперь же он вернулся к эстонскому предложению. О его назначении в январе 1927 г. вновь ходатайствовал И.М. Тютрюмов, который писал декану юридического факультета, что «Г[осподин] Гримм по справедливости считался лучшим романистом в России... Он известен и своими научными трудами по истории и системе римского гражданского права»²⁴.

В начале 1927 г. Д.Д. Гримм согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете Тартуского университета, в стенах которого когда-то началась его преподавательская карьера. 15 марта 1927 г. Совет университета избрал его ординарным профессором, а 28 марта министром приказом № 32335 утвердил его в этой должности с разрешением в течение 5 лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не знал эстонского языка²⁵. В начале сентября 1927 г. Д.Д. Гримм, его жена Вера Ивановна, сын Иван с супругой Марией Владимировной и сыном Константином, а также няня С.К. Кузьмина, служившая в доме профессора свыше 30 лет, и последовавшая за его семьей в эмиграцию, прибыли в Тарту²⁶.

Новая среда тепло приняла профессора. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. Кажется, что профессор, на-

²² EAA. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 3 a, 4.

²³ Ibid. L. 6

²⁴ Ibid. L. 15.

²⁵ Ibid. L. 12, 19 p.

²⁶ Eesti Riigiarchiiv (далее - ERA). F. 14. N. 12. A. 4375. L. 11; EAA. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 28-28 p.

конец, обрел долгожданный покой. В январе 1931 г. он с юмором писал своему младшему коллеге П.А. Остроухову в Прагу: «Лично мы живем по-старому, как полагается в фортеции: мы в фортеции живем, хлеб едим и воду пьем, - только без дальнейшего продолжения этой солдатской песни: картечи не хватает»²⁷. Но, конечно, не все было так гладко. Д.Д. Гримму пришлось столкнуться с экономическими проблемами, порожденными мировым кризисом, о которых он писал все тому же П.А. Остроухову: «Обсуждают тему сокращений. «Здесь тоже идут сокращения. Уже сократили нас с января т.г. на 15%, и теперь, по-видимому, предстоят новые сокращения <...> Вообще, вся Европа живет сейчас без завтрашнего дня, как мы грешные с 17-го года»²⁸.

Случались проблемы и в университете. Так, в январе 1935 г. был сорван объявленный профессором курс по римскому договорному праву. На первую лекцию пришло только двое студентов, а на вторую и третью не явилось никого. Д.Д. Гримм был обижен: «При таких условиях я считаю дальнейшие попытки чтения объявленного мною курса бесцельными и несовместимыми с моим достоинством»²⁹. И все же эстонский период жизни профессора можно назвать относительно спокойным и счастливым.

В 1929 г. Д.Д. Гримм принялся за мемуары и писал их в течение двух лет. Целью своих воспоминаний он называл «правдивое сказание о том, чем был и какую роль в действительности играл преобразованный Государственный Совет в строю наших конституционных учреждений»³⁰. Научная квалификация и историческая отстраненность Д.Д. Гримма придают особый ракурс его воспоминаниям, в то же время не лишая их индивидуальности и определенной субъективности. Они отразили в себе не только время, но и внутренний мир этого истинного осколка старой уходящей России, в эмиграции вновь пережившего все перипетии самого плодотворного периода своей жизни. Стиль и манера повествования записок Д.Д. Гримма погружают в университетскую жизнь и атмосферу высшей власти предреволюционного Петербурга³¹.

²⁷ ГА РФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 1 об.

²⁸ Там же. Л. 2 об.

²⁹ ЕАА. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 105.

³⁰ ЕАА. F. 2100. N. 2. A. 150a. L. 5.

³¹ Шор Т.К. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига, 2000. С. 91;

В эстонский период Д.Д. Grimm принимал активное участие в русской общественной жизни, долгое время состоял членом приходского совета тартуского Успенского собора, был председателем тартуского отдела Русского национального союза. Он не прерывал контакты с друзьями и коллегами, оставшимися в Праге. Известно, что в мае 1937 г. он присылал поздравительный адрес в честь 15-летия создания Русского юридического факультета, торжественно зачитанный во время «профессорского чая» с участием видных представителей русской диаспоры (Л.А. Новгородцева, К.И. Завадская, А.С. Ломшаков, М.М. Новиков, П.Н. Савицкий, П.А. Остроухов, С.И. Варшавский, Д.И. Мейснер, И.И. Лапшин, Д.Н. Иванцов, А.А. Вилков, Е.В. Тарабрин)³².

В Эстонской республике русский профессор Д.Д. Grimm пользовался очень большим авторитетом. В феврале 1931 г. он обратился к министру юстиции и внутренних дел с просьбой принять его в эстонское гражданство на основании § 9 «Закона о гражданстве» 1922 года. Его поручителями готовы были выступить видные местные ученые: декан юридического факультета Тартуского университета, профессор Юри Улуотс (Jüri Uluots), профессор международного права Тартуского университета Антони Пийп (Antoni Piip), профессор уголовного права Тартуского университета Карл Саарманн (Karl Saarmann). Уже в конце марта это ходатайство было удовлетворено³³. Семидесятилетие профессора в 1934 г. широко отмечалось в интеллектуальных кругах. Так, на годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А. Пийпа было устроено чествование Д. Д. Гримма. По достижению предельного возраста он с 1 июля 1934 г. вышел на пенсию³⁴, однако остался работать в университете в качестве внештатного преподавателя.

В 1935 г. министр юстиции и внутренних дел пригласил Д.Д. Гримма в качестве эксперта для работы над новым Гражданским уложением (Конституцией) Эстонской республики. Профессор с интересом принял это предложение, попросив временно

Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А.В. Давид Давидович Grimm и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 75.

³² Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace. T. II. S. 435.

³³ ERA. F. 14. N. 12. A. 4375. L. 1, 10.

³⁴ EAA. F. 2100. N. 2. A. 150. L. 69, 107.

отменить занятия в университете. В феврале 1937 г. глава государства Константин Пятс назначил Д.Д. Гримма членом Государственного совета (Riiginõukogu), верхней палаты создаваемого Национального собрания (Rahvuskogu), в качестве представителя от русского меньшинства. Сам он полагал, что республика нуждалась в его опыте членства в Государственном совете Российской империи в 1907–1917 годах. Профессор отмечал, что «до сих пор здесь [в Эстонии] существовала только однопалатная система и никто практически из депутатов Нац[ионального] Собрания, одинаково как избранных, так и назначенных, не имел ясного представления о том, как двухпалатная система выглядит не только на бумаге, но и в практическом применении в жизни»³⁵.

Д.Д. Гримма смущал его преклонный возраст и ограниченная работоспособность, но еще более - незнание эстонского языка. Впрочем, эту проблему удалось решить. Президент распорядился, что проект Основного закона будет переведен специально для него на русский язык, а во время заседаний к нему будет приставлен переводчик. Д.Д. Гримм согласился: «Вот как судьба играет с людьми. Был я в свое время выборным членом Государственного Совета, а здесь стал одним из 10 назначенных членов второй палаты Эстонского парламента»³⁶. Работа оказалась интересной, но тяжелой. С февраля по июнь 1937 г. он практически еженедельно с понедельника по пятницу уезжал из Тарту в Таллинн, приобретая в результате «дрожание ноги и постоянное легкое головокружение»³⁷. Лишь в июне 1937 г. он переселился на дачу близ столицы, чтобы облегчить свои передвижения вплоть до окончания работы над новой конституцией. Она была принята Национальным собранием 28 июля 1937 г. и 17 августа подписана главой государства.

Пожалуй, это было последнее яркое событие в общественной жизни профессора Д.Д. Гримма. Преклонный возраст заставлял его ограничить прежнюю активность. К тому же из Тарту вынужден был уехать его сын Иван вместе со своими детьми. И.Д. Гримм, как и отец, избрал карьеру правоведа. Однако в Тарту он постоянную работу найти не смог, и был вынужден уехать в Ригу. Д.Д. Гримм оставался в Эстонии, вероятно, до конца 1938 г. - начала 1939 г., а затем уехал к сыну в Латвию. В январе 1939 г. уже

³⁵ ГА РФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 3 об.

³⁶ Там же. Л. 4 об.

³⁷ Там же. Л. 4.

оттуда он благодарил декана юридического факультета Тартуского университета за поздравление с юбилеем, которое его «глубоко тронуло как свидетельство о внутренней связи и добрых товарищеских отношениях, сохранившихся между нами и после выбытия моего из состава штатной профессуры Тартуского университета»³⁸.

К сожалению, о последних годах жизни ученого известно крайне мало. Имеющиеся источники не позволяют пока сказать, как пережил он роковые 1939-1941 гг.: начало Второй мировой войны, советизацию Прибалтики вкупе с развернувшимися там репрессиями, начало Великой Отечественной войны и захват Риги немцами. Скончался он 29 июля 1941 г. в Риге и был похоронен на Покровском кладбище³⁹.

На протяжении всей своей жизни Д.Д. Гримм был неутомимым борцом за интеллектуальную и творческую свободу. Он полагал, что успешное и динамичное развитие России возможно лишь при условии соблюдения законности и главенстве правовых начал. Конечно, вся его деятельность была отмечена преобразовательным пафосом, столь свойственным интеллигенции его времени, и порой далеким от исторической реальности. Но нет никаких оснований усомниться в том, что он всегда был искренним патриотом России, и верил в нее даже в самые трудные моменты истории. Своим идеалам он оставался верен и в годы вынужденной эмиграции.

³⁸ EAA. F. 2100. N. 2a. A. 8. L. 26.

³⁹ Tēvija. Rīga, 1941. 30. jūlijs. № 26.